

О личности и об исторической роли Солженицына у нас много, до хрипоты, спорят, хотя спорить, на мой взгляд, особенно не о чем. Это не вопрос прихотливых «ощущений» и литературных «мнений», а вопрос здравого смысла и полноты знаний о писателе. И основная наша беда в том, что многие люди, включая и власть предержащих, до сих пор пребывают в плену мифов или односторонней хвалебной информации о нём, распространяемой в масс-медиа и в так называемой «научной» литературе. Беру это слово в кавычки, потому что не может считаться научной и объективной литература, где звучит лишь славословие и где нет места анализу и критике. Самый яркий пример тому — биографическая книга Л. Сараскиной «Солженицын» в серии ЖЗЛ, переизданная за последние годы несколько раз. «Ох, уж эти не в меру почтительные биографы!» — с вполне оправданной язвительностью писал об этом тысячестраничном панегирике А. Турков, знавший и тот факт, что книгу о «себе любимом» успел лично, ещё в 2007 г., отредактировать сам Солженицын. Пуще всего боялся Нобелевский лауреат, как бы не вышли на свет тёмные, крайне неприглядные стороны его личности и его биографии. И даже книгу американца М. Скэммела о себе, где небольшая критика была всё-таки позволена, предал анафеме, всячески препятствуя её переводу в России. (Может быть, ещё и потому, что М. Скэммел в итоге публично назвал его «никому не нужным политическим динозавром»?..)

Очевидно, что повышенная забота о собственном имидже, о том, как лучше, в наивыгоднейшем свете, преподнести себя не только современникам, но и потомкам, представляла одну из самых характерных черт Солженицына. Никто из писателей в мире не оставил после себя столько фотографий — несколько тысяч! Психологи могут увидеть здесь нарциссизм, тщеславие, причём болезненного толка, и будут, вероятно, отчасти правы. Но гораздо точнее, на мой взгляд, говорить о вполне продуманной артистической тактике саморекламы или «самопиара»: то в образе писателя-фронтовика, сочиняющего в блиндаже, при тусклом свете, свои будущие творения, то в образе несчастного лагерного зэка, то — скромного учителя, то — пламенного гуру-проповедника, вздымающего руки к небу... С точки зрения прозелитов, а также обывателей — ни дать ни взять — героический эпос! Но почему-то не верится в этот «эпос». Наверное, прежде всего потому, что слишком фальшиво воспринимается он на фоне традиций русской литературы, всегда считавшей любую саморекламу неприличием и пошлостью. А возвращение из Америки в 1994 г. на поезде «Владивосток–Москва», с остановками и речами «городу и миру» (как было запланировано в сценарии субсидировавшей это шоу компании Би-Би-Си) — что это, как ни пародия на везд Самозванца в «смутную» Россию? Только охмурённая ельцинскими обещаниями толпа могла видеть в пассажире с отрощенной специально к этому вояжу апостольской бородой некоего нового мессии. Даже многие прежние поклонники Солженицына нашли в этом показушном транзитном шоу «потерю вкуса» писателя (о потере нравственных ориентиров почему-то предпочитали не говорить, включая и факт заселения автора «Архипелага» в подмосковный VIP-особняк на месте бывшей дачи одного из сталинских сатрапов Л. Кагановича).

На мой взгляд, именно здоровое, незамутнённое разного рода дурманами нравственное чувство — основа здравого смысла — и позволяет со всей отчётливостью осознать, что между высокопарным призывом Солженицына «жить не по лжи» и его реальными поступками на протяжении всей его жизни слишком часто стояла глубокая, непреодолимая пропасть.

Только один маленький штрих из книги Солженицына «Бодался телёнок с дубом» откроет здесь многое. Описывая, как снимался у фотографа в 1962 г. для обложки «Роман-газеты» с повестью об «Иване Денисовиче», сделавшей его знаменитым на весь мир, писатель с откровенным цинизмом признался: «То, что мне нужно было, выражение замученное и печальное, мы изобразили...» Другими словами, он просто дурачил миллионы своих читателей, выдавая себя за «печальника» и «главного зэка» страны.

То, что вытворял в подобном духе Солженицын — артист, стратег и тактик — на Западе у нас почти неизвестно. Неизвестен, например, альбом из 100 фотографий «Solzhenitsyn: A pictorial record», выпущенный в 1974 г. на английском, французском и немецком языках. Общий тираж его неведом, но, видимо, не мал. Заметим: альбом появился вскоре после изгнания писателя из СССР и почти сразу же после выхода в Париже «Архипелага ГУЛАГ», что можно рассматривать как звенья одной цепи. В этом «рекордном» альбоме, составленном самим автором, впервые была опубликован и тот снимок, который можно назвать самым уникальным примером фотомошенничества XX века. У героя здесь не только явно сыгранное «выражение замученное» лица, но и лагерная униформа с номером и невесть по какому фасону — явно не лагерному — сшитой кепкой с тем же номером. При этом подпись под снимком гласит: «In the special camp, an the day Solzhenitsyn was released» («В особом лагере, в день освобождения Солженицына»). Таким образом, с подачи самого Солженицына западному обывателю внушалась мысль о «невыносимых страданиях», перенесённых автором «Архипелага», и о том, что он имеет право говорить от имени всех «миллионов» советских заключённых...

Разумеется, в то время в России-СССР никто, находящийся в здравом уме, не поверил бы — как не поверит и до сих пор, — что в лагерях можно было фотографироваться, тем более «в день освобождения» (как на выпускном вечере?!). Но этот снимок обошёл весь мир, представлялся на разных биеннале, и везде принимался за чистую монету! Он и до сих пор входит в число самых тиражируемых снимков Солженицына на Западе. Но в России с ним теперь всё-таки стали обходиться поскромнее. Недаром Л. Сараскина не решилась включить его в свою ЖЗЛ — видимо, опасаясь «ненужных» вопросов. Тем более, что в книге первой жены Солженицына Н. Решетовской «В круге втором» (М., 2006) под этим снимком сделана гораздо более правдоподобная подпись: «Постановочная реконструкция после освобождения».

А.И. Солженицын

«Постановочная реконструкция» — это, выражаясь более прямо, — «туфта», «фальшивка», «жесть» и т. д. Правда, первая жена (бывшая основным «фотолептописцем» своего мужа в 1950–1960 гг.) так и не раскрыла, когда, в каком году, делалась эта имитация. Тут подросла вторая жена (вдова), Н.Д. Солженицына, которая везде, где можно, заявляет, что снимок на самом деле сделан всё-таки не в «день освобождения» мужа из лагеря, в 1953 г., а в казахстанской ссылке, в 1954 г. Но и в это трудно поверить, так как сопоставление данной фотографии с другими многочисленными фотографиями Солженицына, сравнение его возраста, черт лица и т. д. даёт гораздо больше оснований утверждать, что писатель-художник позировал на аппарат скорее всего десять лет спустя, примерно в 1964–1965 гг., в период создания «Архипелага ГУЛАГ», для иллюстрации к своей задуманной для переправки на Запад книге (как и другой известный снимок обыска-«шмона», где у «зэка» Солженицына явно выпячивается круглое, отъевшееся брюшко).

Можно приводить ещё десятки подобных фактов, обойдённых слишком «почтительными» к своему герою биографами и исследователями Солженицына. Писатели-фронтовики В. Бушин и А. Пыльцын давно обратили внимание на большие нестыковки в эпизодах участия Солженицына в Великой Отечественной войне (которую сам писатель всегда называл не иначе, как «советско-германской»): он, представлявший себя «боевым офицером», практически никогда не был на передовой, так как служил командиром звуковой артиллерийской разведки, располагавшейся в глубине фронта; он ловким обманым путём, с использованием подложных документов, «выписал» себе на фронт жену Н. Решетовскую (будучи 26-летним капитаном, в то время как подобные вольности не позволяли себе даже бывалые генералы); история ареста Солженицына на фронте в феврале 1945 г. в Восточной Пруссии за якобы «антисталинские» высказывания в переписке с друзьями представляет, скорее, его хитроумный трюк, чтобы спасти себя от гибели в предстоящих кровопролитных боях за Берлин, и т. д. (К последнему эпизоду можно добавить позднее, 1990 г., признание Солженицына С. Залыгину в Вермонте о том, что он «посажен был за дело», и, если бы особисты СМЕРШа нашли его зашифрованные записи, он бы «получил не восемь лет, а «вышку».) Разумеется, скрывал тогда на фронте Солженицын и свои симпатии к генералу А. Власову, в которых он признался много позже...

В сборнике «Книга, обманувшая мир» (М.: Летний сад, 2018), который мне довелось составить и издать после долгих трудов, представлено ещё множество других материалов, убедительнейшим образом доказывающих, что и сам Солженицын, и его «главная» книга «Архипелаг ГУЛАГ» — это не только огромный мировой миф, но и огромный блеф. Тех, кто увидел в самом названии нашего сборника некий «жёлтый» сенсационный оттенок, могу разуверить — это спокойный, уравновешенный научный труд, лишь с небольшой долей «перца» (сарказма), неизбежного в данном случае. Но основой всех статей сборника, как мне кажется, является «единство нравственного отношения к предмету», о котором когда-то писал Л. Толстой и которое является самым необходимым не только в литературе, но и в истории. В книге приводятся самые «неудобные» для современных поклонников Солженицына вполне однозначные высказывания о нём самых разных писателей: от М. Шолохова («какое-то болезненное бесстыдство автора») до Ю. Домбровского («...Иван Денисович — шестёрка, сукин сын, потенциальный охранник и никакого восхваления не достоин. Крайне характерно, что отрицательными персонажами повести являемся мы (рассуждающие о «Бро-

неносце «Потёмкине»), а положительными — гнуснейшие лагерные суки... Уж одна расстановка сил, света и теней говорит о том, кем автор был в лагере...») (В последнем случае Ю. Домбровский попал не в бровь, а в глаз — как известно, в «Архипелаге» сам Солженицын признался, что его завербовали в осведомители под кличкой «Ветров», и хотя сам он категорически отрицал, что стукачом у оперов не служил, никто из старых лагерников ему никогда не верил.)

Весьма актуальной является и оценка другого представителя лагерной Колымы А. Яроцкого. Он рассматривал публикацию «Архипелага» на Западе как глубоко аморальный антипатриотический демарш писателя, и свою книгу воспоминаний «Золотая Колыма» заключил красноречивым завещанием: «...Лаять на свою родину из чужой подворотни не хочу».

Особого внимания здесь, без сомнения, заслуживает взгляд В. Шаламова. Этот действительно великий русский писатель обладал неоспоримым моральным превосходством перед Солженицыным, поскольку его лагерный опыт составлял почти двадцать лет, включая шестнадцать лет Колымы, и сам он являлся крупнейшим художником, фактически первым открывшим лагерную тему в русской литературе. Много лет занимаясь судьбой и творчеством Шаламова, могу сказать, что он, отторгнутый обстоятельствами жизни и своей инвалидностью (по глухоте) от участия в общественной жизни, обладал редкой пронизательностью и прозорливостью. Хотя «Колымские рассказы» не увидели света на родине при его жизни, а его дневниковые записи о Солженицыне были опубликованы лишь в середине 1990-х годов, и то и другое произвело переворот в сознании многих читателей. Несомненно, это послужило одним из важнейших толчков к демифологизации образа Солженицына. Что особенно важно, Шаламов был свидетелем зарождения замысла «Архипелага»: его автор ещё в 1964 г. вёл с ним тайные переговоры о сотрудничестве в работе над книгой, и отказ Шаламова от этого предложения сам по себе чрезвычайно знаменателен. Ещё более красноречивы прямые и резкие отзывы Шаламова об открывшихся ему планах своего «конфидента», связанных с Западом (например: «Деятельность Солженицына — это деятельность дельца, направленная узко на личные успехи со всеми провокационными аксессуарами подобной деятельности»). Шаламов с негодованием называл Солженицына и «аферистом», и «спекулянтом на чужой крови». Он не мог на склоне своих лет прочесть напечатанный на Западе «Архипелаг», но узнав о его выходе, первым назвал Солженицына прямо и честно — «орудием холодной войны».

Принципиальное значение имеет и вывод Шаламова, сделанный им ещё по прочтении «Одного дня Ивана Денисовича»: «Солженицын лагеря не знает и не понимает», т. е. «лёгкий» лагерь, изображённый в повести, отражал границы столь же «лёгкого» личного опыта автора. Надо заметить, что и сам Солженицын признавался Шаламову, что его опыт заключённого — «четыре года, в общем-то благополучной жизни». Ведь кроме известной привилегированной марфинской «шарашки», исходя из биографии в книге Л. Сараскиной, можно узнать, что её герой провёл на общих лагерных работах в Экибастузе лишь несколько месяцев, основное время будучи бригадиром, нормировщиком, библиотекарем, т. е. «придурком». Следовательно, приращение «знания» и «понимания» лагерной системы у Солженицына в «Архипелаге» произошло исключительно за счёт расчётливой эксплуатации отнюдь не своих, а чужих страданий и свидетельств (артистически вмонтированных в текст «Архипелага»), и это должны ясно осознавать читатели, помня мысль Шаламова: «Малый личный опыт писателя в искусстве нельзя скрыть».

Всё это ещё раз подчёркивает фальшивость упомянутой выше «лагерной» фотографии Солженицына и фальшивость самой идеи «Архипелага», который являлся, в сущности, компиляцией многочисленных воспоминаний бывших лагерников, хлынувших в «Новый мир» после публикации «Ивана Денисовича». Очевидно, что Солженицын действовал здесь сугубо «по-деловому» — по вполне буржуазному принципу «зачем же такому добру пропадать» — во имя давно уже вынашивавшихся им планов — громко заявить о себе на Западе как «главном эке» страны, дабы прославиться и утвердить идею о наличии в СССР «правой» (точнее, «ультраправой») оппозиции, стремящейся во что бы то ни стало сменить государственный и общественный строй...

Тех, кто не сильно просвещён в этом вопросе, можно адресовать к книге «Бодался телёнок с дубом», где писатель откровенничал, что «западное радио слушал всегда», т. е., по крайней мере, со времён казахстанской ссылки, и тогда же, в 1954–1956 гг., изготовив фотокопии своих первых произведений (пьеса «Республика труда» и др.), мечтал «найти того благородного западного туриста, который гуляет где-то по Москве и рискнёт взять криминальную книгу из торопливых рук прохожего». Позднее таким же образом были изготовлены копии новых вещей, включая рассказ «Щ-854» (будущий «Иван Денисович»), и готовились к отправке на Запад под псевдонимом «Степан Хлынов». «Однако распахнулась дружба с «Новым миром» и перенаправила все мои планы», — без тени смущения признавался Солженицын.

Так складывался первый слой многослойного пирога-мифа о Солженицыне. Он был создан, как это ни печально признать, журналом «Новый мир» во главе с А. Твардовским. Именно Твардовский, приложивший громадные усилия для напечатания первой в СССР повести о лагере, создал Солженицыну ту славу, которая стала фундаментом всей его последующей литературной карьеры и обусловила особый пиетет читателей по отношению к нему. Но ни Твардовский, ни его соратники, ни тем более читатели, не догадывались о том, что на самом деле автор «Ивана Денисовича» ведёт с ними двойную игру, попросту обманывая их и скрывая свои истинные намерения. В итоге, после всех неудачных попыток выйти на откровенный разговор и осознания того, что открытость и теплота человеческих отношений — не удел Солженицына, Твардовский (в декабре 1967 г.) признаётся в своём дневнике: «Его я уже просто не люблю». О причинах этой отчуждённости, пожалуй, точнее всего написал А. Кондратович, бывший свидетелем терзаний Твардовского: «Откровенность, искренность во взаимоотношениях он ценил выше всего. Солженицын не был с ним искренен — и это А.Т. тяжело переживал. В известной мере переживал как предательство, а что может быть тяжелее этого». Но у самого Твардовского давно было подозрение, что в поведении Солженицына после первоначальной громкой славы появились явные признаки мании величия — он не раз повторял простонародную фразу, что у его подопечного писателя «темечко не выдержало». Крайне не нравилась Твардовскому и «говорливость» Солженицына, т. е. его безудержное красноречие. При этом бывший лагерный «придурок», «шестёрка, сукин сын» (вспомним определение Ю. Домбровского) изображал из себя «матёрого эка» и морально давил на редактора «Нового мира», беззастенчиво заявляя в письме к нему в 1969 г.: «Мои навыки — каторжанские, лагерные. Без рисовки (!) скажу, что русской литературе я принадлежу не больше, чем русской каторге...»

Нельзя не заметить, что щегольство своим опытом у настоящих лагерников

считалось самым дурным тоном, и в этом отношении Солженицын тоже пере­шагнул через все грани. Ведь и на предполагавшееся вручение ему Нобелевской премии в шведском посольстве в 1970 г. он собирался явиться в лагерной телогрейке...

Но на кого же больше всего — кроме осаждавших его с середины 1960-х гг. западных корреспондентов — действовали хитроумные артистические трюки Солженицына? Разумеется, на круг московских интеллигентов-литераторов, никогда не нюхавших запаха тюрьмы и лагеря и воспринимавших создателя «Ивана Денисовича» как единственного воплотителя настоящей «правды». Нисколько не преувеличивая, можно смело утверждать, что первоначальный «культ» Солженицына (действующий и до сих пор в этой среде) сложился в либеральном литературном сообществе Москвы, воспринимавшем себя, по выражению В. Шаламова, как «прогрессивное человечество». На этот счёт можно назвать и конкретную дату — ноябрь 1966 г., когда состоялось известное расширенное заседание секции прозы Московской писательской организации, обсуждавшее повесть Солженицына «Раковый корпус». Именно на этом заседании впервые прозвучали пышные восхваления, ставившие автора, в общем-то, весьма средней по литературным достоинствам повести в один ряд с великим классиком русской литературы — Л. Толстым. «Это вещь силы «Смерти Ивана Ильича!» — возглашал, например, А. Борщаговский. Но поистине «судьбоносная» экстагическая фраза прозвучала тогда из уст Ю. Карякина: «Солженицын — не солжёт!..»

Да, это тот самый Ю. Карякин, который тридцать лет спустя, при встрече «нового политического года» в декабре 1993 г., когда проельцинские «демократические» силы катастрофически провалились на выборах в парламент, возгласил в прямом ТВ-эфире: «Россия, ты одурела!..» И его незамысловатый каламбур о том, что «Солженицын — не солжёт!» был, как можно понять, предвестием личной, весьма характерной эволюции, которую проделал этот талантливый публицист и литературовед, исследователь Достоевского, ставший со временем едва ли не главным рупором идей Солженицына в России. Заметим, что именно Ю. Карякин, привлечённый в эпоху М. Горбачёва в советники президента СССР и находившийся в близких отношениях с «архитектором перестройки» А. Яковлевым, более всего способствовал процессу «реабилитации» Солженицына, начавшемуся в конце 1980-х гг. Нельзя не заметить также, что Ю. Карякин является, в сущности, «крёстным отцом» Л. Сараскиной, прошедшей тот же путь — от «придавленности» идеями Достоевского до апологии Солженицына.

Но оба эти литературоведа, очевидно, никогда не задумывались о том, что имеют дело, в сущности, с абсолютно разными духовными субстанциями: Достоевский, всегда устремлённый ввысь, к идеалам Христа, и убеждённый в том, что каждый писатель должен быть обязательно «благороден» по духу, никоим образом не соединим с Солженицыным, который исповедовал — и практиковал на каждом шагу — иезуитский принцип «цель оправдывает средства». И Ю. Карякин (возможно, бессознательно), и Л. Сараскина (несомненно, вполне сознательно) закрывали глаза на то, что Солженицын систематически занимался обманом и мистификациями, и что он — чего ни при каких обстоятельствах не мог позволить себе Достоевский! — в сущности, служил силам, враждебным России, в каком бы качестве она в тот период ни находилась. Вся эта несовместимость ярче всего раскрывается в одном из красноречивейших признаний Солженицына в книге «Бодался телёнок с дубом», где речь идёт о его известном письме IV съезду Союза

писателей СССР. Согласно этим признаниям, он «придумал» это письмо зимой 1967 г. в своём «укровище» в Эстонии, где писал «Архипелаг», а затем размножил письмо в количестве 250 экземпляров и разослал самым разным писателям, а также на Запад. По его словам — которые не вырубешь никаким топором! — «это была комбинация (курсив наш. — В.Е.), утвердившая меня, как на скале. Ведь Запад не с искажённого «Ивана Денисовича», а только с этого шумного письма выделил меня и стал напряжённо следить...»

Несомненно, что эта проговорка сверхэгоцентричного автора — наивысшая точка его саморазоблачения. Методы Солженицына (комбинаторские, заставляющие вспомнить не только героев Гоголя, но и Остапа Бендера) обнажены здесь настолько очевидно, что они даже не нуждаются в моралите: мы наглядно видим, какими ловкими путями писатель, возмнивший себя уже тогда «вершителем судеб мира», стремился одурачить как советских писателей, так и западное общество, дабы оказаться первостепенной фигурой Мирового Театра. И неслучайно один умудрённый писатель после громкого резонанса от письма Солженицына заметил: «...Что-то бесит во всех этих разговорах о Солженицыне. Наверное, идолопоклонство. Кончается работа головы и начинается работа колен».

* * *

Критическая «работа головы» по отношению к Солженицыну, к несчастью, на весьма длительное время отключилась не только у многих наших литераторов и рядовых читателей, но и у властей. Особенно ярко это проявилось в период «перестройки», когда «политический мастодонт», наглухо закрывший себя забором с колючей проволокой (так!) в далёком Вермонте, вдруг оказался востребованным в самом Советском Союзе. К нему устремились разного рода переговорщики — как со стороны М. Горбачёва, так и со стороны Б. Ельцина, борющихся за власть. При этом шёл своего рода торг за то, кому из этих лидеров достанется право первым напечатать «Архипелаг ГУЛАГ» и получить соответствующие политические дивиденды. Речи о том, что эта книга ещё недавно прямо признавалась «антисоветской» и тенденциозной, что она реально способствовала дискредитации политического строя СССР в глазах всего мира, — уже не шло, ведь ни бывший ставропольский комбайнёр, ни бывший свердловский прораб, вознесённые к вершине власти, никогда не читали «Архипелага» и стремились только к одному — показать, кто из них больше «демократ». Эта трагикомедия увенчалась тем, что «Архипелаг» (с подачи М. Горбачёва и А. Яковлева) был напечатан при ещё устойчивой, казалось бы, советской власти в залыгинском «Новом мире» в 1989 г., но Б. Ельцин не отстал и ничтоже сумняшеся присудил «Архипелагу» Государственную премию РСФСР за 1990 год...

Многочисленные читатели, получившие, наконец, доступ к «запретному плоду», но не знавшие, как, с помощью каких ухищрений он создавался, были, конечно, потрясены книгой и воспринимали её как долгожданную «истинную правду» о лагерях и советской системе в целом. Почти никого не вводила в смущение даже фантастическая цифра о «66,7 миллиона человек», якобы ставших жертвами советской власти с 1917 года. Например, внезапно «прозревшие» бывшие преподаватели советских вузов, срочно издавшие в 1994 г. конъюнктурный учебник «От Горького до Солженицына» (И. Фейнберг и И. Кондаков) прямо возглашали: «После цифры 66,7 миллиона человек уже ничто не удивительно и не страшно...»

Эта цифра, стоит заметить, являлась ключевым пунктом исторической «концепции» Солженицына, или лучше сказать — главной «начинкой» той информационной «бомбы», которую он бросил против собственной страны. Но здесь он пользовался, опять же, западным, крайне сомнительным источником — расчётами псевдо-«профессора» И. Курганова, бывшего советского экономиста, перешедшего в 1942 г. в г. Эссентуки на сторону гитлеровцев и затем перебравшегося в США. Включив эту явно бредовую цифру Курганова в «Архипелаг» и осятив её своим именем Нобелевского лауреата, Солженицын совершил, наверное, величайшую в истории человечества фальсификацию, которая теперь уже навсегда будет связана с его именем.

Разумеется, трезвомыслящие люди никогда ни на дух не поверили бы, что Советский Союз с населением 235 миллионов человек (данные на 1967 год, когда заканчивался «Архипелаг»), потеряв от репрессий якобы 66,7 миллиона, мог бы при этом победить в Великой Отечественной войне, в которой он реально потерял 27 миллионов человек. Современные исследования, например В. Земскова, показывают, что Солженицын преувеличил свою цифру как минимум в десять раз, а если строго подходить к понятию «жертвы политических репрессий» (исключая уголовный элемент, который составлял две трети контингента лагерей, а также тех, кто не погиб, а только сидел или находился в ссылках) — в двадцать раз! Но трезвомыслящих людей в горячечные годы «перестройки» было немного, и привычка оперировать «миллионами», «десятками миллионов» жертв «тоталитарного режима» с тех пор вошла в обиход не только либеральных идеологов и пропагандистов, но и в сознание многих наших наивных сограждан. Кого же, как не Солженицына — лже-лагерника, фантаста и инсинуатора — можно назвать главным виновником этого очередного витка российской «разрухи в головах»?

В своё время мне пришлось проштудировать немало откликов западной прессы на смерть Солженицына в августе 2008 года, подводивших итог его деятельности. Теперь сделать это просто, благодаря интернет-порталу «ИноСМИ», где переводится то, чего наш читатель обычно не знает. Более всего поразила передовая статья крупнейшей американской газеты «Уолл Стрит Джорнэл» от 5 августа под жирным заголовком **«Правда и воля Солженицына помогли Западу восторжествовать в холодной войне»**. Это откровение очень красноречиво: значит, сами американцы признали, что наш «великий писатель», в сущности, работал на них. Тем более, что сопровождалась статья такими тирадами: «Концлагерем Ивана Шухова был на самом деле весь Советский Союз. После выхода в Париже в 1973 году монументального труда Солженицына по истории советской пенитенциарной системы, озаглавленного «Архипелаг ГУЛАГ», ни один серьёзный человек ни в одной стране мира больше не сможет оправдывать преступления Сталина или бесчеловечность коммунистического тоталитаризма. Представленные в книге документы доказывают, что на руках у комиссаров была кровь 60 миллионов жертв. Сущность коммунизма была до мельчайших подробностей разоблачена и оказалась рабством, террором и империализмом». Ещё более красноречив отклик в английской «Файнэшнл Таймс»: «Солженицын не просто засвидетельствовал в мельчайших подробностях её (советской системы) злодейства — он помог её разрушить, причём так, чтобы её невозможно было уже построить заново. За это западный мир прославил его и наградил Нобелевской премией по литературе...»

Читая эти откровения англо-американской прессы, отчётливо видишь, насколько и чем ценен Солженицын для Запада и насколько глубоко въелись в сознание и подсознание западного мира идеи и «факты», выплеснутые в своё время писателем. Но тут можно увидеть и другое: пропагандистские штампы прессы

направлены не только на то, чтобы у западного обывателя (а также и истеблишмента) новейшего времени поддерживались семена ненависти к Советскому Союзу как к «империи зла», но и постоянно возобновлялись ещё более старые семена, связанные с вековым дремучим недоверием и страхом перед Россией: «Таковы эти дикие, ненормальные русские...» В связи с этим очевидно, что «Архипелаг ГУЛАГ» — хотел того автор или нет — изначально выступал ещё и инструментом разжигания русофобии, которая давно стала важнейшим фактором международной политики.

Казалось бы, эта историческая роль Солженицына должна быть особенно понятна тем, кто пережил все мороки ельцинской эпохи, все её реальные жертвы (а они, по подсчётам демографов, вполне сопоставимы с жертвами сталинской эпохи) и кто пытается теперь ввести Россию в нормальное русло. Но, видимо, даже многочисленные референты-советники нынешней власти не читали обзоров западной прессы и не стремились их донести до своих «шефов». Всё это наглядно видно в событиях того же 2008 года, когда тогдашний премьер-министр страны (В. Путин) после встречи с вдовой писателя Н. Солженицыной принял явно импульсивно-волюнтаристское решение, которое обязало Министерство образования РФ включить «Архипелаг ГУЛАГ» в школьную программу по литературе. Как известно, вскоре вдовой писателя было подготовлено сокращённое издание «Архипелага» для школ, вышедшее в 2010 г. в свет в государственном издательстве «Просвещение».

Эти акции, получившие широкий общественный резонанс, стали ещё одним своеобразным тестом на здравомыслие постсоветского российского социума. Многочисленные критические отклики на них в печати, а также в Интернете, явились неопровержимым свидетельством того, что «лагерная эпопея» Солженицына — как и сам её автор — отнюдь не пользуются сколько-нибудь широким и значимым общественным авторитетом в современной России. Хотя полномасштабных социологических опросов среди населения на этот счёт не проводилось (а они были бы очень уместны), весьма показательны данные об отношении к внедрению «Архипелага» в школы со стороны самих педагогов. В сжатом виде они таковы: «Архипелаг ГУЛАГ» не имеет отношения к литературе, это публицистика; с идеологической точки зрения произведение небезукоризненно; в нём тенденциозно, однобоко трактуется драматическая и героическая советская эпоха».

Следует подчеркнуть, что этот опрос проводился не где-нибудь, а в Рязани, с которой был связан Солженицын, и где, казалось бы, у него должен быть особый авторитет. Но такого авторитета у него там, судя по всему, не существует, и вся внешняя нынешняя помпезность — вроде установок мемориальных досок и памятников (как и по всей стране, начиная с Владивостока и кончая Москвой) — это искусственность, навязанный сверху ритуал. Не берусь судить здесь о «субъективных» факторах, вроде попыток Н. Солженицыной и её соратников к настойчивому проталкиванию своего мужа в пантеон «великих классиков русской литературы», но вынужден заметить, что классиками людей делает только отстоявшееся время. И бессмертный завет Л. Толстого: «Нет величия в том, в ком нет простоты, добра и правды»...

Прошедший недавно 100-летний юбилей писателя ещё раз показал, что так называемая «солженицизация всей страны» — по примеру навязанной в своё время Хрущёвым «кукурузизации» — никак не удаётся. Наверное, это закономерно, прежде всего потому, что никакой волей не заставить людей служить противоестеству, и потому что до людей всё-таки постепенно доходит настоящая правда о Солженицыне...